

СЕМИДЕСЯТЫЕ, ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ...

Семидесятые годы. Брежневский «развитой социализм» и советская школа, оставшаяся в памяти поколений чудесными кинофильмами о школе, созданными в те годы, — такими, как «Доживём до понедельника», «Дневник директора школы», «Переступи порог»... Для кого-то это время ассоциируется с застоем, с длинными речами стареющих вождей, над которыми на кухнях иронизировали вольнодумцы. Для кого-то — с безопасностью ночных улиц и стабильной зарплатой рабочего, колхозника, интеллигента. Для кого-то — с уходом в подполье, в мир квартирных концертов и «протестной» работы молодых учёных в котельных и дворничих. Мы видим в семидесятых годах расцвет отечественного интеллектуализма — именно в это время в нашей стране работали лучшие мозги мира. Но большие умы стремятся исследовать глубинные противоречия жизни, азбучные истины их не устраивают, и коммунистическая идеология становилась всё менее популярной. А вместе с ней слабела идеологическая мощь огромного государства. Но у Советского Союза семидесятых был многомерный, огромный потенциал, страна не была обречена на распад. С особой силой этот потенциал проявился в осуществлении образовательной программы, отразился он и на страницах «Народного образования».

В семидесятые годы Советский Союз был признанной мировой сверхдержавой, лидером социалистического блока, в котором то нарастали, то сглаживались серьёзные противоречия. «Самая читающая в мире страна» с развитой образовательной инфраструктурой была прекрасным полем деятель-

ности для образовательной системы. Известно, что образование в Советском Союзе (как, впрочем, и в дореволюционной России, и, например, в современных США) было идеологизированным. Кому-то это может показаться циничным: кто платит, тот и заказывает музыку. Государство, выполняющее образовательную программу, пытается охранять присущие ему ценности и соблюсти государственный интерес. И пока это государство поддерживается обществом, оно существует. Образовательная система тоже не может существовать вопреки общественному недоверию. Доверие людей — та пища, без которой нет ни государства, ни школы.

К 1975 году был выполнен план 9-й пятилетки, в ходе которой, как утверждалось, был «в основном завершён переход к всеобщему среднему образованию».

В 1972 году отмечалось 50-летие Союза Советских Социалистических Республик. С какими показателями пришла страна к этой дате? Во всех союзных и большинстве автономных республик работают научные центры, национальные театры, национальные творческие союзы... Каждую минуту в СССР печаталось более двух тысяч книг! И это лишь малая, хотя и впечатляющая, толика культурных достижений того периода. Мы должны научиться ценить опыт этой эпохи, использовать его.

Журнал «Народное образование» становился более массовым, его хорошо знали во всех школах СССР, он сопутствовал всеобщей десятилетней школе, служил ей верой и правдой. Не забывал и о науке: ведь в XIX веке наш журнал был крупнейшим российским научным изданием. С 70-х годов тираж журнала превышал вековой тираж всего XIX века. И при этом журнал не был одиночкой, его историю в XX веке следует воспринимать в контексте всей педагогической прессы.

Знаковой личностью 70-х годов был Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, «главный инженер Советского Союза». Этот талантливый администратор олицетворял собой всё лучшее, что дал России XX век. Алексей Николаевич осознавал, что образование и наука являются базой всех достижений страны. Он писал: «Экономическая политика партии исходит из того, что для развития народного хозяйства по пути интенсификации необходимо, чтобы достижения научно-технической революции были органически связаны с преимуществами социалистической системы хозяйства. Важная роль в решении этой задачи принадлежит науке»¹.

Эти слова главы правительства — некий эпиграф к главе о журнале в 1970–1980-е годы, когда ведущая роль системы образования в жизни общества осознавалась нашими ведущими политиками.

1

1970 год ознаменовался раблезианским обилием статей о В.И. Ленине, о его жизни и деятельности, о ленинских принципах в педагогике... «Народное образование» не отставало от других изданий Советского Союза в освоении юбилейной ленинианы.

Поутихли дискуссии вокруг В.А. Сухомлинского — теперь наследие этого педагога тщательно исследовалось. В 70-е годы в журнале нередко появлялись статьи о Сухомлинском... В 1966–1984 годы министром просвещения СССР был Михаил Алексеевич Прокофьев (1910–1999), один из наиболее видных министров Косыгин-

¹ Косыгин А.Н. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы. М., 1976. С. 24.

ского правительства (А.Н. Косыгин возглавлял правительство до 1980 года). В 1935 году М.А. Прокофьев окончил химический факультет МГУ (через много лет, в 1961 году, он организовал и возглавил кафедру химии и природных соединений в альма-матер), в 1966-м был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Участник Великой Отечественной, флотский офицер, после морской службы он вернулся в науку. Началось и административное восхождение М.А. Прокофьева. В 1951–1966 гг. он занимал пост заместителя министра высшего и среднего образования СССР, в 1966-м недолгое время был министром просвещения РСФСР, затем стал первым союзным министром просвещения. Работа Прокофьева в министерстве — целая эпоха в истории нашего образования. За двадцать лет пребывания Михаила Алексеевича на посту министра просвещения были приняты различные решения в области образования. Главное из них — переход ко всеобщему среднему образованию, чему посвящены первые десять лет работы Прокофьева в правительстве. Конечно, осуществление всеобщего среднего образования было программой амбициозной, требующей пропагандистской поддержки. И Прокофьев, анализируя это достижение советского общества, публиковал в журнале статьи, в которых подчёркивал, что сам факт успехов всеобщего среднего образования в СССР на практике доказывает антинаучность представлений буржуазного общества о наследственных ограничениях в развитии интеллекта человека. Этому лженаучному, по словам Прокофьева утверждению советская наука противопоставляла «материалистическое положение о безграничной возможности развития человека в благоприятных социальных условиях». Интересная, смелая разработка... Сразу вспоминается, как, демонизируя советский строй, рассуждал Рональд Рейган в своей известной речи 1980 года на национальном съезде евангелистов. Тогда он, с гневом праведным в очах называя Советский Союз «империей зла», обвинял нашу страну в дерзновенной вере в человека. В 1980 году нам эти аргументы казались смешными, а к году девяностому мы и сами, увлечённые «призраком свободы», вторим Рейгану.

М.А. Прокофьев

На этапе перехода массовой школы ко всеобщему среднему образованию под руководством М.А. Прокофьева проводились исследования различных вариантов построения учебного процесса. Важно было учесть возрастные физиологические и психологические особенности учащихся, для чего Министерство просвещения СССР активно привлекало учёных-психологов, медиков, философов. В 60-е годы Михаил Алексеевич ратовал за дифференцированный подход в обучении. По предложению Прокофьева во многих школах ввели специализированные классы с углублённым изучением отдельных предметов, как тогда говорили, с «уклоном». Прокофьев предлагал ввести ряд дополнительных дисциплин для факультативных занятий. Реализация этой его идеи не была полноценной. Большинство школ ограничились видимостью факультативов: не было ни пособий для этого, ни глубоко разработанных программ.

В 1984 году Прокофьев выступал на страницах «Народного образования» с публикациями о реформе общеобразовательной и профессиональной школы. В 9-м номере журнала вышла передовая статья министра «Идеи реформы — в жизнь!». Внедрять в жизнь эти идеи ему уже не пришлось, и та передовая статья стала лебединой песней Михаила Алексеевича на посту министра: в конце 1984 года Прокофьев подал в отставку. Новым министром просвещения в союзном правительстве Николая Александровича Тихонова² был назначен Сергей Георгиевич Щербаков (1925–1992), пробывший на этом посту до 1989 года.

Судьбы замечательных людей, талантливых творцов и администраторов, всегда остаются нашим духовным, творческим капиталом. Негоже разбрасываться памятью о таких людях, как Михаил Алексеевич Прокофьев, — учёный, один из самых авторитетных министров просвещения за двухсотлетнюю историю российского правительства.

² Н.А. Тихонов сменил А.Н. Косыгина на посту Председателя Совета Министров СССР в октябре 1980 года и проработал в этой должности до сентября 1985-го, после чего главой союзного Правительства был назначен Николай Иванович Рыжков.

Не раз Михаил Алексеевич Прокофьев публиковался в «Народном образовании», продолжая традиции своих выдающихся предшественников, Уварова и Луначарского. 10-й номер журнала за 1974 год открывался передовой статьёй министра «Наши первоочередные задачи в новом учебном году», в которой содержались призывы повысить эффективность школьного образования, используя современные научные наработки. М.А. Прокофьев интересовался *теорией лидерства*, часто говорил о качествах руководителя, позволяющих ему пользоваться подлинным авторитетом. Он понимал роль директора школы в развитии образования. Эти идеи министра стали материалом многих публикаций журнала тех лет. Скажем, передовая статья первого заместителя министра Фёдора Григорьевича Паначина, помещённая в 7-м номере за 1974 год, — «Стиль и авторитет руководителя», посвящена именно теории лидерства. Заметим, что эта статья была не единственной публикацией Ф. Паначина в журнале: он регулярно выступал на его страницах.

Знаковой была и передовая статья 3-го номера за 1974 год — «Совершенствовать преподавание русского языка во всех национальных школах страны». Трудно было разумно уравновесить роль государственного языка СССР — русского — и остальных языков многонационального союзного государства. Сейчас принято воспринимать структуру советского государства, образованного в 1922 году и распавшегося в декабре 1991-го, как «мину замедленного действия», подложенную под нашу государственность. Думаем, это ошибочная оценка такого исторического явления, как СССР. Если любителям исторических мифов сейчас удобнее думать, что Советский Союз был «подкопом» под Российскую империю, то мы должны с болью в сердце признать, что Российская империя ещё в феврале — марте 1917-го прекратила своё существование, а населявшие её народы требовали суверенитета. К осени 17-го ни украинцы, ни узбеки, ни грузины не видели дальнейших перспектив общей судьбы с Россией, а слово «империя» действовало на многих из них как мулета на быка. И с начала 20-х годов взявшие власть в Петрограде и Москве большевики, идя на существенные компромиссы, принялись сколачивать союзное государство из осколков Российской империи, на основе принципов равноправия народов, на основе сложного деления страны по национальному и территориальному признакам. Автор передовой статьи «Совершенствование преподавания русского языка...» и редакция журнала прекрасно понимали великое государственное значение русского языка. Но развитие русского языка как средства межнационального общения подкреплялось и развитием национальных языков нашей пёстрой семьи народов. До конца 80-х годов поддерживать национальное согласие удавалось — честь и хвала тем, кто этого добивался. С конца 80-х и до наших дней согласия, увы, нет — значит, современные политики допускали и допускают серьёзные ошибки. Сваливать же ответственность за эти ошибки на строителей советского государства просто нечестно.

В 1979 году Прокофьев четырежды выступал со страниц журнала. В передовой статье 8-го номера он назвал образование «передним фронтом борьбы за коммунизм». Другая публикация в 9-м номере посвящена Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР». Свои любимые мысли М. Прокофьев развивал в докладе «Пути дальнейшего улучшения изучения русского языка в союзных республиках».

В апрельском номере за 1980 год (год 110-летия со дня рождения В.И. Ленина) М. Прокофьев выступил с традиционной статьёй, открывшей журнал: «Осуществляем заветы Ленина».

С 1958 года журналом почти 17 лет руководил главный редактор Михаил Петрович Кашин, бывший одновременно и заместителем министра просвещения РСФСР. Отдалившийся от журнальных дел М. Кашин ещё однажды выступил на страницах «Народного образования» в 1979 году, в приложении «Заочный семинар руководителей школ», со статьёй «О коммунистическом воспитании учащихся в процессе овладения основами наук». Кашинский журнал ушёл в историю. В 70-е годы в истории журнала появилось ещё одно действующее лицо — Георгий Петрович Веселов, ставший

главным редактором в 1975 году. За его плечами были Псковский педагогический институт имени С.М. Кирова и Академия общественных наук при ЦК КПСС... Сорокачетырёхлетний кандидат исторических наук, профессор, в «Народном образовании» он явно пришёлся ко двору. В нашем журнале Георгий Петрович опубликовал немало работ по проблемам образовательной политики. Именно при нём, в 1978 году, журнал был награждён орденом Трудового Красного Знамени. В 1980-м он был назначен министром просвещения РСФСР и почти год был главным редактором в ранге министра. Это ведомство Г.П. Веселов возглавлял десять плодотворных лет. За время его работы десятки малых народов Российской Федерации получили возможность учить своих детей на родном языке или изучать родной язык как дисциплину при профилирующем русском. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, чей общественный авторитет резко возрос в 80-е годы, считал спасение исчезающих языков едва ли не главной миссией российского просвещения в эти годы. Вот и профессор Веселов действовал в этом направлении. Продолжая тенденции, сложившиеся под влиянием политики Прокофьева, Веселов, будучи министром, вводил новые учебные программы по специализации школ с учётом способностей и интересов учащихся.

По традиции, статьи Г.П. Веселова в основном публиковались в журнале вне рубрик, как некое авторитетное руководство к действию, не нуждающееся в пояснениях, в формальном контексте. В течение 1977 года в журнале велась рубрика «Шестидесятилетие Великого Октября — достойную встречу». Среди достаточно фанфарных публикаций рубрики из дня нынешнего самой содержательной, самой реалистичной кажется статья Георгия Петровича Веселова «От начального ко всеобщему обязательному среднему образованию». Главный редактор журнала анализировал проблемы всеобщего среднего, вычленил различные пути его получения — от десятилетки до профтехучилищ, техникумов, дававших среднее специальное образование. Министр анализировал, почему разные учебные заведения дают разное по качеству образование, анализировал подходы к усвоению программы среднего образования в разных регионах Союза. Все эти проблемы освещены Веселовым компетентно, с подкупающей деловитостью. Конечно, такой стиль контрастировал с тоном бравурных статей, посвящённых юбилею Октября, например, со статьёй министра просвещения Узбекистана Саида Шермухамедова «Размаха шаги сажень!». Г.П. Веселов — такой уж был у него характер! — посчитал наиболее уместным накануне 60-летия Октября продолжить откровенный разговор о состоянии дел в советском образовании. Статьи Веселова составили также основу рубрики «Вопросы организации и руководства». В 1979 году он опубликовал проблемную статью «Школы России сегодня». После «ухода» в министры Г.П. Веселов продолжал много печататься в «Народном образовании». Преемником его в кабинете главного редактора стал на 5 лет заместитель министра Анатолий Иванович Шустов, которого с 1987 года сменил тоже в ранге заместителя министра Иван Михайлович Косоножкин, уже знакомый читателям журнала, и в первую очередь — статьями об образовании за рубежом.

И.М. Косоножкин прошёл все ступени «педагогической лестницы» — от учителя начальной школы, директора, заведующего отделом образования одной из самых густонаселённых областей России — Ростовской. С должности заведующего Ростовским облоно он приехал в Москву, проработал недолгое время в Совете Министров РСФСР и отсюда пришёл в республиканское Министерство просвещения.

Иван Михайлович был очень заинтересованным редактором журнала. Он читывал все материалы, искренне радовался каждой удачной статье, каждому новому имени автора. Был требователен к языку журнала, не раз говорил сотрудникам, что с читателями надо разговаривать русским языком, а не канцеляритом. При нём на страницах журнала стали выступать рядовые сотрудники министерства и читатели получили более полное представление о деятельности образовательного

Г.П. Веселов

И.М. Косоножкин

ведомства. Может быть, оказавшись под влиянием новых веяний демократизации и гласности, И.М. Косоножкин был смелым редактором. В те годы ещё действовала 6-я статья Конституции СССР о руководящей роли КПСС, а мнение газеты «Правда» было истиной в последней инстанции. И всё же И.М. Косоножкин отважился идти против «Правды», в какой-то степени и против отдела науки ЦК...

На страницах журнала в те годы часто выступал доктор философских наук Михаил Николаевич Скаткин (1900–1991), столп отечественной дидактики. В 2000 году научная общественность отметила 100-летие со дня рождения учёного. Как водится, не обошлось без конференций и юбилейных публикаций, в том числе — и в «Народном образовании». И, как это бывает, именно в юбилейные дни все вдруг с особой ясностью поняли значение трудов М.Н. Скаткина для педагогической науки.

М.Н. Скаткин начинал научную работу в годы торжества политехнической школы, в годы великого макаренковского эксперимента — и атмосфера тех лет не могла не повлиять на его мировоззрение. Его труды по дидактике, по организации политехнического обучения, по методике преподавания естествознания в начальных классах школы (а Скаткин был и автором учебников естествознания для начальных классов) вызывают огромный интерес научных работников в России и за её пределами.

В предыдущей главе мы уже говорили о публикациях З.И. Равкина, привлекавших внимание читателей журнала с 50-х годов. Пора рассказать о Захаре Ильиче Равкине подробнее. Он родился в Ростове-на-Дону, в семье врачей, со школьных лет увлёкся историей и в 1935 году поступил в московский ИФЛИ, где проучился до 1937 года. Продолжать образование пришлось в Узбекистане, и в 1941 году в Самарканде он окончил исторический факультет Узбекского государственного университета. В 1944-м в составе первого набора Равкин поступает в аспирантуру Академии педагогических наук СССР. Через три года защитил кандидатскую диссертацию по педагогике, в 1966 году — докторскую. С самого начала научной работы З. Равкин совмещал исследование педагогической мысли и истории образования первой половины XIX века с изучением истории советской школы 20-х годов. В 1949 году в свет вышла его монография «Советская школа в годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства». В 1951 году Равкин оставляет родной Институт теории и истории педагогики и переезжает в Йошкар-Олу заведовать кафедрой педагогики и психологии Марийского пединститута им. Н.К. Крупской. В этой должности он проработал более тридцати лет, не забывая при этом и о своих исследованиях, продолжая литературные занятия. Служа в Марийском пединституте, учёный разрабатывал новаторское для того времени проблемное преподавание курса истории педагогики, с энтузиазмом принятое читателями «Народного образования». Продолжался творческий поиск, вылившийся в десятки публикаций журнала. З.И. Равкин продолжал изучать историю советской школы, обобщив это в фундаментальных «Очерках по истории советской школы и педагогики» (1961 г.), написанных вместе с соавторами Ф.Ф. Королёвым и Т.Д. Корнейчиком. Читателям «Народного образования» хорошо знаком живой стиль Равкина-литератора, его умение придать увлекательное начало любой теоретической проблеме, вызвать огромный интерес к главным героям исследователя — новаторам советской школы 20-х годов. Многого добился Равкин-преподаватель в Йошкар-Оле, где на его авторитете и энтузиазме держалась научная жизнь института. В 1981 году настало время возвращаться в Москву для работы в Институте общей педагогики АПН СССР. Теперь же он называется Институт теории образования и педагогики РАО. Кажется, неизменной осталась лишь честная служба Захара Ильича в этом учреждении. Среди сегодняшних научных интересов Равкина — педагогические воззрения Василия Васильевича Розанова (интерес к этому мыслителю характерен для авторов журнала с начала 1990-х годов). Снова возвращался исследователь к истории пушкинского Лицея. Книги последнего десятилетия наиболее дороги Захару Ильичу: «Творцы и новаторы школы, рождённой Октябрём» (1990 г.), «Актуальные проблемы ме-

тодологии историко-педагогических исследований» (1993 г.). Отдал он дань и В.А. Сухомлинскому. Именно статьёй З.И. Равкина «Сердце, отданное детям» журнал откликнулся на выход в свет трёхтомника избранных сочинений Сухомлинского (НО, 1982, № 1).

Принципиальная позиция Захара Ильича Равкина в оценках исторических процессов XIX–XX вв. вызывает искреннее уважение и единомышленников, и идейных противников учёного: он не «перестроил» своих взглядов в угоду новой моде и в то же время не «заморозил» их в угоду собственной гордыне. Судя по монографии 1999 года «Педагогика Царскосельского Лицея пушкинской поры (1811–1817 гг.)». Историко-педагогический очерк», Захар Ильич не пересмотрел своих взглядов на Аракчеева и Сперанского, Карамзина и Жозефа де Местра и называет «реакционным» и «прогрессивным» те же явления, которые он называл таковыми и двадцать, и тридцать лет назад на страницах «Народного образования». И негоже становится под колчаковские знамёна тому, кто в 1977 году публиковал в журнале под рубрикой «Факты, документы, воспоминания» статью «В.И. Ленин и Наркомпрос (1920–1921)» (НО, № 1). Кстати, в 1979 году З.И. Равкин опубликовал в «Народном образовании» статью «Педагоги Царскосельского Лицея (к 180-летию со дня рождения А.С. Пушкина)» (НО, № 6), в дополненном виде вошедшую и в недавнюю книгу Захара Ильича. Не пришлось ему отказываться и от этой своей статьи. Читатель верил в искренность Равкина тогда, может верить в неё и ныне. Среди сотен публицистических флюгеров перо Равкина отличается постоянством, свойственным человеку со сложившейся системой ценностей. Регалии учёного можно перечислять долго, жонглируя датами и названиями академий, но что значат все эти «погоны» перед прочным признанием коллег? И дай Бог здоровья Захару Ильичу — ещё одному дуайе-ну «Народного образования»!..

Седьмой номер журнала за 1977 год посвящён дружбе народов республик СССР. Журнал проводил предъюбилейную политику «навстречу 60-летию Октября», да и тема братства республик для педагогов была благодатной. Можно было рассказать о разных школах страны, о всевозможных начинаниях энтузиастов от Ташкента до Лиенаи, можно было также лишний раз заручиться поддержкой местных властей, подтвердив её в центральной прессе. Так, 7-й номер открывался статьёй Первого секретаря ЦК Компартии Украины Владимира Васильевича Щербицкого (1918–1990) «Учить и воспитывать молодых строителей коммунизма». В том, что журнал, посвящённый дружбе народов, открывал политический лидер крупнейшей, после РСФСР, республики Союза, был верный и, как мы бы сейчас сказали, политкорректный стратегический расчёт. Небольшое пояснение по личности В.В. Щербицкого необходимо для тех, кто уже забыл об этом политическом деятеле. Родился он под Днепрпетровском, в посёлке Верхнеднепровском, в семье украинца-рабочего. В 1934 году молодой рабочий Владимир Щербицкий погружается в комсомольскую работу. Был он юношей смышлённым и целеустремлённым — стремился к инженерному образованию. Уже имея опыт комсомольской работы и работы на производстве, он поступает в Днепрпетровский химико-технологический институт и в 1941 году, перед войной, оканчивает его. Тогда же двадцатитрёхлетний Щербицкий вступает в партию. Великую Отечественную прошёл офицером. Там, в самой гуще военных испытаний, почувствовав высокий авторитет политического руководства, Щербицкий и принял решение посвятить оставшуюся жизнь партии — если выживет. Поколение советских руководителей, прошедших войну и начавших трудовой путь в суровые сталинские годы, отличалось особой закалкой. Эти люди привыкли «штурмовать небеса», привыкли к амбициозным задачам и их дисциплинированному исполнению. О таких людях пели в популярной послевоенной песенке:

Я бывший фронтовик,
Я к трудностям привык...

Третье поколение советских руководителей, к которому примыкал Щербицкий, отличалось от предыдущих бóльшим профессионализмом, лучшей образованностью. При этом современники Владимира Васильевича³ отмечали, что, будучи администратором компетентным и трудолюбивым, он, в отличие от своего предшественника на посту Первого секретаря ЦК Компартии Украины П.Е. Шелеста, не отличался политической волей и не был ярким оратором. Что ж, каждому политику — своё.

С 1946 года Щербицкий работал в Днепродзержинске — родном городе будущего главы государства, Л.И. Брежнева. Образованный инженер, фронтовик, пришедший на партийную работу, был важной фигурой для любого крупного завода. Щербицкий становится секретарём партбюро коксохимического завода, оставаясь и инженером. Позже Владимир Васильевич сосредоточивается на партийной работе, став парторгом ЦК КПСС на Металлургическом заводе имени Ф.Э. Дзержинского. В 1952 году Щербицкого назначают Первым секретарём Днепродзержинского горкома партии, в 1954-м — Вторым секретарём Днепропетровского обкома КПУ. Вскоре В.В. Щербицкий входит в политическую элиту страны, став Первым секретарём Днепропетровского обкома — руководителем одной из наиболее промышленно развитых областей СССР. В 1957 году Щербицкий переезжает в Киев, его назначают секретарём ЦК Компартии Украины. Дальше — больше: в 1961 году он почти одновременно становится Председателем Совета Министров Украинской ССР, членом ЦК КПСС и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Последний статус обеспечивал Щербицкому участие в принятии важнейших государственных решений в узком кругу двух десятков вождей.

Редакция журнала в 1970-е годы

Но хрущёвское время было характерно быстрыми взлётами и падениями; в 1963 году Щербицкий попадает в опалу, его возвращают в Днепропетровск и выводят из состава ЦК. Только в 1965 году новый партийный глава страны Л.И. Брежнев возвращает своему другу Щербицкому все посты 1961 года. В 1971 году Щербицкого, остающегося главой правительства Украины, избирают членом Политбюро, а через год — первым секретарём ЦК Компартии Украины, вместо П.Е. Шелеста. Это был пик политической карьеры Щербицкого, на котором он пребывал и в 1977 году, когда публиковался в журнале «Народное образование». Брежнев Щербицкому доверял, баловал его наградами и, по некоторым свидетельствам, даже готовил в свои преемники. Это, безусловно, был бы сильный ход для сплочения многонациональной страны — поставить во главе государства украинского лидера. Но переезжать в Москву Щербицкому не пришлось: преемником Брежнева стал Ю.В. Андропов. Отставлен Щербицкий был уже при М.С. Горбачёве, в 1989 году. Прожил он на пенсии только один год. Не выдержало сердце несправедливых нападок, начавшихся после Чернобыльской катастрофы, когда злые языки распространяли о Щербицком клеветнические слухи.

В статье 1977 года Щербицкий приветствует и напутствует читателей журнала, как положено члену Политбюро. Но в его словах о развитии науки и образования чувствуется основательность делового человека. Чувствуется, что о просвещении он говорит не «для галочки», а действительно занимается им во вверенной ему республике. Надо ли говорить о том, что годы правления Щербицкого стали для украинской школы и науки годами расцвета? Ему удавалось вести гибкую политику в отношении русского и украинского языков на Украине. Поэтому и права открыть журнал, посвящённый дружбе народов СССР, Владимир Васильевич Щербицкий был вполне достоин.

В статье 1977 года Щербицкий приветствует и напутствует читателей журнала, как положено члену Политбюро. Но в его словах о развитии науки и образования чувствуется основательность делового человека. Чувствуется, что о просвещении он говорит не «для галочки», а действительно занимается им во вверенной ему республике. Надо ли говорить о том, что годы правления Щербицкого стали для украинской школы и науки годами расцвета? Ему удавалось вести гибкую политику в отношении русского и украинского языков на Украине. Поэтому и права открыть журнал, посвящённый дружбе народов СССР, Владимир Васильевич Щербицкий был вполне достоин.

³ См., например, воспоминания много работавшего и с Шелестом, и со Щербицким В.Е. Семичастного «Беспокойное сердце». М., 2002.

Позже примеру Щербицкого последовали и другие партийные руководители союзных республик. Так, в 1979 году в «Народном образовании» выступил Шараф Рашидович Рашидов (1917–1983) — глава Компартии Узбекской ССР, всю жизнь страстно увлекавшийся литературой и выпускавший книги, в том числе — поэтические и прозаические переработки классических восточных поэм и даже балетные либретто! Поговаривали, что в родном Узбекистане на Рашидова работали литературные «негры», но в любом случае академик и дважды Герой Социалистического Труда Ш.Р. Рашидов не только считал себя, но и был покровителем муз. Как почти все республиканские лидеры, он прекрасно говорил по-русски и немало занимался культурным сотрудничеством России и Узбекистана. Статья, опубликованная в «Народном образовании» (№ 9), называлась «Язык нашего единства и братства» и была зачитана Рашидовым на Всесоюзной научно-теоретической конференции «Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР». Судьба Рашидова сложилась непросто. Ему пришлось испытать в 1983 году горечь падения с политического Олимпа. Этого ровесник Октябрьской революции не выдержал. Кстати, свой трудовой путь Рашидов, выпускник педагогического техникума, начал в 1935 году школьным учителем.

Девятый номер 1977 года посвящён Ф.Э. Дзержинскому и приурочен к столетию со дня рождения первого чекиста страны. Среди материалов о Дзержинском в этом номере журнала выделялись публикации знаковых личностей нашего образования: А.С. Макаренко «Прекрасный памятник» и воспоминаний А.В. Луначарского «Феликс Эдмундович Дзержинский в Наркомпросе». Но это были мемориальные публикации уже ушедших авторов. А.Ю. Гербеов подготовил содержательную, со ссылками на источники, статью «Всенародная борьба за жизнь детей». Дзержинский, которого сейчас принято демонизировать (даже в фашизме его обвиняют!), стремился оказать детям медицинскую помощь, дать им образование и профессию. Конечно, можно с документами и цифрами доказать преступную жестокость некоторых действий Дзержинского. Только пойдёт ли на пользу нашему обществу тиражирование подобной исторической правды? А наши авторы 1977 года отсеивали всё дурное, что было в Дзержинском, и создавали образ, который работал на благо страны, на благо просвещения. Пусть бросит в них камень тот, кто безгрешен, а мы считаем ту идеологическую политику целесообразной.

Продолжал работу в журнале и Семён Александрович Цемахман (псевдоним — Володин). В годы Великой Отечественной он служил военкором, а в семидесятые первым обратил внимание редакции на преемственность истории журнала с 1803 года до наших дней. В годы работы в журнале Семён Александрович издал книгу об учителях — Героях Советского Союза.

В 1977 году в журнале появилась и доброжелательная рецензия Михаила Скаткина и Станислава Шиповского на книгу Симона Соловейчика «Учение с увлечением» (М.: Детская литература, 1976). Рецензия вышла в памятном седьмом номере и называлась «К вопросу об учении с увлечением». Поддержка авторитетных учёных, конечно, была важна и для автора, и для его читателей. Сейчас имя учителя, исследователя, газетчика Симона Львовича Соловейчика (1930–1996) хорошо известно каждому педагогу. В 1977 году рецензия М. Скаткина и С. Шиповского была для него, молодого журналиста, рукой помощи. Но не будем идеализировать взаимоотношения С. Соловейчика с журналом «Народное образование». Выступления Соловейчика, заострявшие спорные вопросы педагогики, поляризовали учительскую общественность. И в 1989-м (№ 11) в «Народном образовании» опубликовано письмо одного из читателей журнала, в котором были слова: «Я благодарен журналу за то, что он помог нам сохранить более трезвое представление о состоянии нашей школы, устоять против

Ответственный секретарь журнала «Народное образование» О.Н. Смекалина поздравляет коллектив государственной научной педагогической библиотеки им. К.Д. Ушинского с юбилеем

той вольницы в печати, которая в эпоху «соловейчиковщины» пыталась всё перевернуть, заталмудить и замузить». Теперь страсти поостыли. И соловейчиковская «педагогика сотрудничества» не стала и не станет единственным магистральным путём развития нашей школы, не теряя при этом своей внешней привлекательности.

Явлением в жизни советской школы конца семидесятых — начала восьмидесятых стали уроки и конференции, посвящённые литературным воспоминаниям Л.И. Брежнева — «Малая земля», «Возрождение», «Целина». По этим произведениям писались выпускные сочинения, вокруг них заваривалась масштабная пропагандистская кампания, яркими составляющими которой стали документальные фильмы о подвигах Брежнева на войне и после войны, телевизионные чтения брежневских воспоминаний, а также прекрасная, к сожалению, неизвестная современному слушателю песня А.Н. Пахмутовой на слова Н.Н. Добронравова «Малая земля»... Не прошёл мимо этой кампании

и журнал «Народное образование». В десятом номере за 1979 год была напечатана статья учительницы истории 345-й московской школы Лидии Филипповой «Книга жизни (о книгах товарища Л.И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина»)». Продолжилась тема и в 1980 году, когда А. Зойдзе опубликовал статью «Нравственный потенциал трилогии Л.И. Брежнева» (№ 6). Эта статья стала апогеем брежневской кампании в нашем журнале. Постараемся дать этому противоречивому явлению оценку с нынешних позиций. Изучение священных для всего советского народа в 1970-е годы подвигов Великой Отечественной, конечно, должно было стать центром широкой программы военно-патриотического воспитания, отвечающей всенародным интересам. О теме воспитания патриотизма в журнале мы уже говорили, добавим, что и в конце 70-х годов регулярно эта тема в «Народном образовании» звучала. Конечно, воспоминания государственного лидера о его участии в Великой Отечественной, в восстановлении

Л.И. Брежнев

хозяйства после войны, о том, как жизнь учила Брежнева гуманистическому отношению к обществу и государству, могли бы стать полезными для многих. Но вот беда: слишком уж контрастировали эти книги с образом измождённого болезнями Леонида Ильича. Народ с недоверием отнёсся к брежневской трилогии. Все гадали: кто же был подлинным автором мемуаров Генерального секретаря — Чаковский? Кожевников? Аграновский? Или, вернее, здесь работала «группа товарищей»? К тому же льстецы разных уровней переборщили со славословиями — и «Малая земля» стала объектом насмешек. Помните анекдот: «Где вы были в годы Великой Отечественной — воевали на Малой Земле или отсиживались в окопах Сталинграда?».

Так реагировало общество на формирование брежневского культа. При всей нашей симпатии к Леониду Ильичу Брежневу — крупному политику и хозяйственнику — великой личностью он не был. Руководители нашего журнала надеялись, что изучение книг Брежнева будет лучшим воспитанием патриотизма, а вылилось всё в обычное для тех лет славословие: Л.И. Брежнев оказался жертвой неумелых пропагандистов.

В 1979 году возобновилось сотрудничество с журналом В. Кумарина. Во втором номере он опубликовал написанную вместе с В. Кравцом статью «О классах выравнивания». В отделе «Критика и библиография» начали печататься как рецензенты Б. Бим-Бад (его внимание привлекла книга «Школа социалистической Югославии»), П. Шпитальник, Д. Даддани. Накануне 80-х в журнале популярной была тема вечерней школы. Специальная рубрика «Каждому молодому труженику — среднее образование» почти полностью была посвящена проблемам школ рабочей молодёжи. О «вечёрках» писали из Риги, из Ямало-Ненецкого Автономного округа, из Донецка и из Иванова. Ведь

одними реляциями о всеобщем среднем образовании невозможно было исчерпать школьных проблем. Не все молодые рабочие, не имевшие среднего образования, хотели учиться. Журнал писал о молодёжных проблемах честно, наши авторы не пытались скрывать недостатки в работе вечерних (сменных) школ.

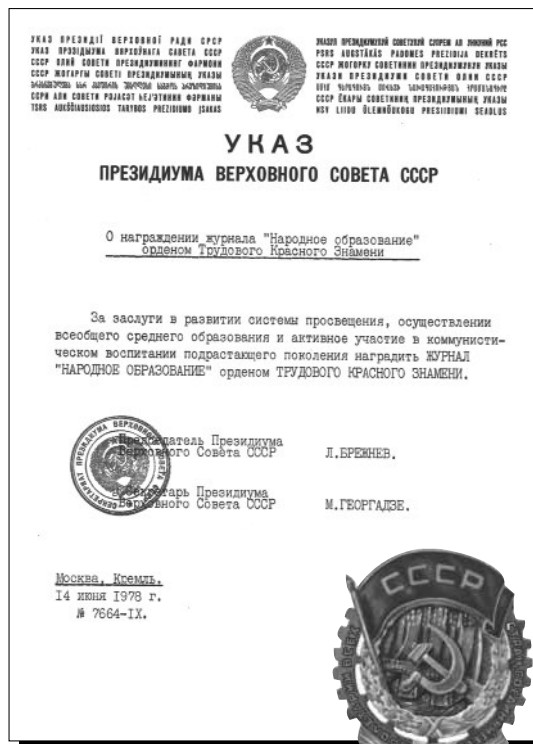
В эти годы в журнале не было специальной рубрики, посвящённой внедрению в школьную жизнь современных методов обучения и воспитания, как это было в 50-х годах. Но статьи на тему «Научно-техническая революция в школе» публиковались. Так, Ю. Батий в 1980 году опубликовал в третьем номере журнала любопытную статью «Классы с автоматизированной обратной связью (на примере ленинградских школ)». Он призывал всем равняться на те школы, где технические новшества перестали быть диковинкой, стали привычным инструментом педагогической работы.

В двух номерах 1980 года — седьмом и восьмом — опубликованы статьи Ольги Подколзиной, посвящённые работе вечерних школ в Молдавской ССР: «Вечерней школе — серьёзное внимание (о Всесоюзном совещании заместителей министров просвещения, начальников управлений (отделов) вечерних школ по вопросу «О мерах дальнейшего совершенствования обучения и воспитания работающей молодёжи в вечерних и заочных школах», проходившем в городе Кишинёве Молдавской ССР)» и «Молодым труженикам города (в школах рабочей молодёжи города Тирасполя)». Работа О. Подколзиной в журнале только началась, в 70-е годы она стала сотрудником журнала, выступая в «Народном образовании» как автор и редактор.

2

Так получилось, что с конца 70-х годов до начала 90-х в журнале появились публикации ряда крупных государственных деятелей СССР. Вот почему эта глава так пестрит громкими именами. Думаем, что никто не станет отрицать прямую и косвенную роль политиков в истории «Народного образования». И наше краткое изложение биографий этих людей будет воспринято как добавление к истории журнала, как неотъемлемый контекст.

В 1981 году, в февральском номере, в отделе «Вопросы организации народного образования» прошёл очень любопытный материал. На первый взгляд всё в ней было заштатным, скромным. И тема («Воспитанию в труде — партийную заботу (опыт школ Свердловской области)»), и содержание. Мало кому за пределами Свердловской области было известно и имя автора статьи — Бориса Николаевича Ельцина, пять лет назад, в 1976 году, назначенного на пост Первого секретаря Свердловского обкома КПСС и принятого в ЦК месяц в месяц одновременно с выходом в свет второго номера «Народного образования». Тогдашняя статья Ельцина не выделялась из общего потока публичных выступлений региональных руководителей страны. Можно было лишь порадоваться тому, что у высокопартийного начальства дошли руки до просветительского журнала, до проблемы образования. Конечно, над этой статьёй работали референты, но внимание Ельцина к проблеме, безусловно, было. Была активность энергичного руководителя одной из индустриально развитых областей. Активность, которую должны были заметить и в Кремле, и на Старой площади, и в родном Свердловске. Ельцин

и позже публиковался в «Народном образовании», в особенности — на волне событий 1990 года, когда возглавляемое им чиновничество Российской Федерации боролось с союзным центром, с Кремлём. Об этих публикациях речь впереди, а пока — о самом их авторе.

Борис Николаевич Ельцин родился в 1931 году в селе Бутка Талицкого района Свердловской области в крестьянской семье. О своём детстве он красочно рассказал в воспоминаниях, опубликованных в 1990 году в нашем журнале. В двадцатилетнем возрасте, будучи студентом-отличником Уральского политехнического института имени С.М. Кирова, Ельцин вступает в ряды КПСС. К тому времени за ним закрепляется репутация комсомольского вожака и неформального лидера. Институт он окончил в 1955 году, стал инженером-строителем. Уже тогда он мог связать свою судьбу с партийной работой, но что-то не сложилось. Ельцин быстро шагал по служебной лестнице, становясь одним из самых перспективных руководителей Свердловска в области строительства. Мастер, прораб, старший прораб, главный инженер, начальник строительного управления треста «Южгорстрой» в Свердловске... В 1963–1968 годах. Ельцин был главным инженером и начальником домостроительного комбината. С этой должности его и призвали в 1968 году на партийную работу. На карьере Ельцина в аппарате КПСС сказало то, что он пришёл на партийную работу в зрелом возрасте, когда ему уже было под сорок...

Б.Н. Ельцин

С 1968 года по 1976-й энергичный строитель занимает посты заведующего отделом, а затем и секретаря Свердловского обкома КПСС. В 1976 году Первый секретарь Свердловского обкома Яков Петрович Рябов переезжает в Москву на повышение (его назначают секретарём ЦК), и ЦК принимает решение — назначить на этот ключевой в области пост Б.Н. Ельцина. Это была серьёзная политическая высота, и в своей «Исповеди на заданную тему» Ельцин со страниц «Народного образования» вспоминал о перипетиях назначения...

«Брежнев говорит: «Так это он решил в Свердловской области власть взять?» Капитонов ему объясняет: да нет, он ещё ни о чём не знает. «Как не знает, раз уже решил взять власть?» Вот так, вроде и всерьёз, вроде и в шутку начался разговор. Брежнев сказал, что заседало Политбюро и рекомендовало меня на должность Первого секретаря Свердловского обкома партии». Вспоминал Ельцин и о том, как Брежнев неожиданно извинительным тоном заявил, что в ЦК принять Ельцина пока не может — выборы недавно прошли, не успели Ельцина занести в списки. Так и ходил Первый секретарь Свердловского обкома без цековского мандата до нового съезда, до 1981 года. Думается, самолюбивому политику от этого было не по себе, могли же ведь сделать исключение для энергичного руководителя области, славившейся промышленными гигантами! Была в счастливой партийной карьере Ельцина какая-то червоточина, смущавшая Бориса Николаевича, заставлявшая его считать себя обделённым. Казалось, власти «недодают» почёта уральскому администратору. В апреле 1985 года, в последний месяц жизни генсека К.У. Черненко, Ельцина переводят в Москву. Но... на оскорбительно второстепенный пост: заведовать Отделом ЦК КПСС, то есть — снова заниматься строительством. Предшественники Ельцина, свердловские первые секретари А.П. Кириленко и Я.П. Рябов, сразу получали в Москве более высокие должности, становились секретарями ЦК... Ельцин даже задумывал маленький бунт, задумывал отказаться от переезда в Москву. Но в 1985 году партийная дисциплина была ещё крепка. В то время Ельцин пользуется поддержкой самых авторитетных лидеров партии — М.С. Горбачёва и Е.К. Лигачёва. Летом Горбачёв производит Ельцина в секретари ЦК. Этот статус должен был устроить честолюбивого уральца. Горбачёв чувствовал в Ельцине популиста (это слово в конце 80-х годах. Михаил Сергеевич часто употреблял по адресу Ельцина как политический ярлык) и надеялся, что на знаковом посту главы Московского горкома КПСС Ельцин будет поднимать авторитет перестройки в массах, среди москвичей. В декабре 1985-го Ельцина назначают Первым секретарём МК. И народ действительно очень скоро принял Ельцина за «своего». Только руководители предприятий смеялись над самодурством нового партийного начальника, считавше-

го лекарством от всех болезней кадровые перестановки. В 1986-м Ельцин становится лишь кандидатом в члены Политбюро. Полноправным членом руководящего органа КПСС он не будет никогда. В ноябре 1987 года, в дни торжеств, посвящённых 70-летию Октябрьской революции (в эти же дни началась и пропагандистская кампания по десталинизации), Ельцин предпринял загадочный аппаратный бунт — и был с треском снят с основных должностей. Его вернули к родному делу — он стал министром строительства и первым заместителем председателя Госстроя. Для Ельцина такой поворот был политической драмой, общество отныне видело в нём гонимого героя. Кстати, секретарём ЦК Ельцин был формально оставлен до 1988 года, но на заседания Секретариата не ходил из принципа. Идут месяцы. Горбачёв во время встреч с народом журит отставника Ельцина за популизм. В 1989 году Ельцин с триумфом побеждает на выборах в народные депутаты СССР — и возвращается в большую политику. К этому времени относятся и первые — полулегальные — публикации его воспоминаний «Исповедь на заданную тему». Воспоминания передаёт «Голос Америки», их с удовольствием читает вся Россия. Наконец, в десятом номере за 1990 год «Исповедь на заданную тему» начинает публиковать и журнал «Народное образование».

Немало страниц в «Исповеди на заданную тему» посвящено рассказу Ельцина о своей учёбе. Читателям «Народного образования» в 1990 году и сейчас любопытно читать, например, следующие строки: «Ну а дальше я заявляю, что наш классный руководитель не имеет права быть учителем, воспитателем детей — она их калечит. Учительница была кошмарная. Она могла ударить тяжёлой линейкой, могла поставить в угол, могла унижить парня перед девочкой, и наоборот. Заставляла у себя дома прибираться. Для её поросёнка по всей округе класс должен был искать пищевые отбросы, ну и так далее... Я этого, конечно, никак не мог стерпеть. Ребята отказывались ей подчиняться, но некоторые всё-таки поддавались. Короче, на этом торжественном собрании я рассказал, как она издевалась над учителями, топтала достоинство ребят, делала всё, чтобы унижить любого ученика — сильного, слабого, среднего, и с довольно яркими примерами, очень резко обрушился на неё. Скандал, переполох... На следующий день педсовет, вызвали моего отца, сказали ему, что свидетельство у меня отнимают, а вручают мне так называемый «волчий билет» — это такой беленький листочек бумажки, где сверху написано, что прослушал семилетку, а внизу — «без права поступления в восьмой класс на территории страны»... Конечно же, я не согласился с решением педсовета, стал ходить всюду: в районо, гороно... Кажется, тогда первый раз и узнал, что такое горком партии. Я добился создания комиссии, которая проверила работу классного руководителя и отстранила её от работы в школе. И это абсолютно заслуженно, ей противопоказано было работать с детьми. А мне всё-таки выдали свидетельство, хотя среди всех пятёрок красовалось «неудовлетворительно» за дисциплину».

Сорвать торжественное собрание — как это по-ельцински! И наблюдения Бориса Николаевича над собственной школьной жизнью не лишены меткости. В жизни каждого человека впечатления школьных лет имеют огромное, нередко — решающее значение в формировании психологии. Ельцин, каким он предстаёт в собственных воспоминаниях, — это человек экстремальных ситуаций, уверенный в своей правоте, скушающий без трудностей, волевой. Конечно, он смотрит в зеркало истории и заигрывает с публикой, в 1990 году весьма высоко ценившей бунтарские качества. Но школьная ситуация, описанная Ельциным, кажется правдоподобной и поучительной.

Ко времени публикаций «Исповеди...» в «Народном образовании» Ельцин уже был Председателем Верховного Совета принявшей суверенитет РСФСР. В республиках начинается «парад суверенитетов» и распад Советского Союза уже кажется реальным. Публикацию ельцинской «Исповеди...» журнал продолжил и в 1991 году, когда в июне Ельцин был избран Президентом РСФСР, в августе испытал свой звёздный час, победив ГКЧП, а в декабре... В декабре не стало Советского Союза. В декабре 1991-го Ельцин превратился в главу нового государства — России. Больше он в «Народном образовании» не публиковался.

...А тогда, в 1981 году, новоиспечённый член ЦК КПСС, Первый секретарь Свердловского обкома Б.Н. Ельцин писал о той ответственности, которую чувствует любой коммунист за подрастающее поколение, за наше образование. Коммунистическое воспитание должно сочетать подкованность в теоретических дисциплинах и трудовой навык. О благотворном влиянии труда на воспитание школьника Ельцин и вёл речь в 1981 году. Десять лет сотрудничества Ельцина с журналом «Народное образование» — срок небольшой. Но в кратком рассказе о ельцинской одиссее в журнале, кажется, отразилась история страны, история сотен миллионов судеб. Вот ведь как бывает — начнёшь публиковаться в «Народном образовании», начнёшь рассуждать о трудовом воспитании — и попадёшь в историю. Кто знает, может быть, первый Президент России ещё поделится с читателями журнала своими педагогическими воззрениями?

От одной пропагандистской кампании до другой, от статей о мемуарной трилогии Л.И. Брежнева к публикации воспоминаний Б.Н. Ельцина журнал прошёл дорогой восьмидесятых, дорогой реформ. Мы видим, что если затея с воспоминаниями Брежнева сказалась на авторитете Леонида Ильича отрицательно, то предпринятый Ельциным проект «Исповедь на заданную тему» имел кратковременный, но действенный успех. История журнала отражает историю идейных движений в стране, историю пропагандистских противостояний.

Был у нас в 1981 году и другой высокопоставленный автор, как и Ельцин, возглавлявший крупную партийную организацию — на этот раз краевую, Краснодарскую. В одиннадцатом номере «Народного образования» вышла статья С. Медунова «Растить достойную смену (Партийная забота о смене в Краснодарском крае)». Региональные руководители как будто соревновались в отчётах об образовательной политике на вверенных им территориях. История распорядилась так, что нынче фамилия Медунова известна только любителям истории и знатокам советской политической жизни 70–80-х годов. А был он личностью незаурядной и, казалось, мог занять одно из самых главных мест в государственной иерархии.

Сергей Фёдорович Медунов (1915–1999), Герой Социалистического Труда с 1973-го по 1982 год руководил Краснодарским крайкомом КПСС. В 1983 году, после обвинений в коррупции, был выведен из состава ЦК. Обвинения вскоре были сняты, но политическая карьера Медунова прервалась. В раннюю перестройку в ходу был даже такой публицистический образ — «медуновщина», обозначающий крайнюю степень разложения партийного руководства на местах, когда партийные секретари превращались в удельных князей. Статья Медунова, опубликованная в нашем журнале, не отличалась ни остротой наблюдений, ни глубиной постановки проблем. Она явно проигрывала ельцинской, написанной с пониманием роли трудового воспитания в советской образовательной доктрине. Разумеется, обе статьи — и Ельцина, и Медунова — были подготовлены референтами, но, как это всегда и бывает, стиль руководителей, подписавших публикации, сказался на их содержании.

Сергей Фёдорович Медунов скончался в наши дни, и после 1981 года в редакцию «Народного образования» новых статей от него не поступало.

3

Мы уже убедились, что в истории советской журналистики большую роль играли юбилеи. Юбилеи страны, вождей, военных побед, деятелей науки и культуры, юбилеи самих журналов. Традиция эта восходит ко второй половине XIX века, когда с размахом отмечались 1000-летие России, пушкинский юбилей, а в XX веке — столетие Бородина (1912 г.) и 300-летие царской династии Романовых (1913 г.)... В 1982 году отмечалось шестидесятилетие образования СССР. В журнале этой дате посвящено немало публикаций, но мы выделим жанровую новинку — *обзоры редакционной почты*. В отделе «Материалы, посвящённые 60-летию СССР» было два таких обзора: «В семье единой, братской» (№ 11) и «Воспитывать патриотов» (№ 7). В 80-е годы журнал обращается к таким жанрам, как интервью, репортаж, обзор прессы.

Любопытна публикация министра М. Прокофьева в первом номере за 1982 год. Название публикации несколько растянуто: «В Министерстве просвещения СССР (о дополнительных мерах по преодолению формализма в оценке результатов труда учителей и учащихся)». Что же понималось под «формализмом»? Этой проблемы мы уже коснулись в повествовании о министре Прокофьеве и борьбе за повышение результативности образования. И хотя перекосы с процентоманией в школе нередко связывают с именем Прокофьева, тем не менее министр озаботился и оборотной стороной своих инициатив. Это классическое развитие событий в политике: каждая инициатива имеет свои положительные и отрицательные последствия, их необходимо предусматривать, а в худшем случае — преодолевать после развития событий. Важно, чтобы руководитель проявил гибкость, не впал в идеализацию собственной политики, не защищал её с ослиным упрямством. Прокофьев трезво отметил оборотную сторону борьбы за успеваемость, но вылечить школу от процентомании одними журнальными статьями — даже такого автора! — нельзя. Статья имела и практическое значение, действовала система оперативной советской журналистики: «утром в газете — вечером в куплете». Во втором номере за 1982 год мысли министра развиты и конкретизированы в статье заместителя министра Ф. Штыкало «Решительнее изживать формализм в инспектировании». Министерское мнение нацеленно «спускалось» по административной вертикали. С горечью признаем: «формализм в оценке труда учителей и учеников» не изжит по сей день, и не только в средней, но и в высшей школе.

В том же 1982 году в 11-м номере журнала опубликована статья В. Караковского «Воспитывающая деятельность в школьном коллективе (опыт 825-й школы г. Москвы)». Тема статьи была камертоном всей педагогической деятельности Владимира Абрамовича Караковского, директора этой школы. Он создавал школу-коммуна, в которой ученик раскрывал свои способности в активном сотворчестве с учителями. Коммунарские сборы Караковского, игровая атмосфера его «воспитания большими дозами» остались в истории нашей школы как продуктивный творческий поиск, нашедший отражение на страницах «Народного образования». В 2000 году Владимир Караковский примет участие в историческом альманахе «Народное образование в России», изданном на рубеже веков и тысячелетий второго и третьего. «Сегодня самое время поклониться учителям России» — говорится в его статье 2000 года. В ней — искренний гимн своей профессии: «Без учителя нет ни героя, ни поэта, ни политика, ни учёного. Профессия учителя — мать всех профессий на Земле. Учитель прекрасен, потому что погружён в волшебный мир детства, который постоянно и мощно подпитывает его духовные и физические силы. Вечный двигатель школы оберегает его от отчаяния, от деградации личности. Сегодня в школу идёт тот, кто хочет сохранить в себе человека». Конечно, эти слова опытного нашего педагога, члена-корреспондента РАО, тесно связаны с судьбой нашего просвещения, как связана с ней судьба каждого учителя, преподавателя вуза, воспитателя...

В трудовом воспитании молодёжи важным звеном был «изотовский почин», связанный с историей первых пятилеток. Никита Изотов — шахтёр с Донбасса — в начале тридцатых годов взял под опеку нескольких молодых забойщиков и обучал их, передавал им свой опыт, не прекращая собственной работы. Почин был подхвачен пропагандой — и по всей стране развернулось «изотовское движение», ставшее составной частью советской воспитательной программы. Опыт героев первых пятилеток не был забыт и в 80-е годы — имена Алексея Стаханова, Никиты Изотова, Прасковьи Ангелиной каждый год звучали на Первомайских демонстрациях. Развитие традиций рабочих-наставников привлекло внимание исследователей, авторов «Народного образования». Выдвигались новые Изотовы, новые рабочие педагоги. Одному из таких героев 80-х была посвящена статья Н. Кондратова «Наставник молодёжи Г.Я. Горбань, сталевар металлургического завода «Азовсталь» (1982 годов, № 8). Однако повторить пропагандистский успех 30–60-х годов не удалось. Герои труда уже не играли действенной роли

в воспитательном процессе, они не выдерживали конкуренции с героями нового времени. И авторы «Народного образования» повели борьбу с «плесенью» начала 80-х — молодыми спекулянтами, для которых первостепенными стали такие «атрибуты сладкой жизни», как джинсы, жвачка, пиво в банках... Наступало время неразрешимых «молодёжных проблем», нервировавших общество. Вот и стали с 1982 года

в журнале появляться статьи на такие темы: «Борьба с курением — проблема комплексная» П. Карпенко (№ 4), «Дисциплина и традиции» Ф. Селиванова (№ 6) и другие.

Под рубрикой «Мысли, отклики, предложения» журнал продолжал публиковать технологические статьи, авторы которых были заметными новаторами. Н. Рентюк в статье «Деловая игра на курсах подготовки директоров (опыт ЦИУУ Украинской ССР)» предложил методический комплекс, который можно использовать не только на курсах подготовки директоров, но и при изучении различных школьных и вузовских дисциплин.

Н.И. Целищева
с преподавателями
Дрогобычского пединститута
им. Ивана Франко

В 1982 году, в третьем номере, появилась статья «Великое дело русского слова (деятельность Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы)». Это была одна из первых заметных публикаций в журнале Нины Ивановны Целищевой, к тому времени уже заслужившей репутацию мастера педагогической журналистики. Очень скоро Нина Ивановна стала сотрудником журнала, который она оживила своими очерками, интервью, репортажами. Сейчас Н. Целищева — заместитель главного редактора журнала. Много сил отдаёт она и одному из появившихся в последние годы дочерних изданий «Народного образования» журналу «Сельская школа», будучи его главным редактором.

В 1983 году среди передовых статей выделялась очередная работа заместителя министра просвещения Ф.Г. Паначина «В.И. Ленин о Наркомпросе и народном образовании (вопросы просвещения в последних работах Ленина)». Организаторы образования, учёные продолжали искать руководство к действию в книгах вождя. Подчас ссылки на Ленина были маскировкой собственных вольнодумных идей: нередко в авангардистской практике послереволюционного времени теоретики 80-х черпали вдохновение — по контрасту с консерватизмом «эпохи позднего Брежнева» и его преемников. Просвещение первого послереволюционного десятилетия стало благодатной темой для постоянных авторов «Народного образования» — Ф.Г. Паначина и З.И. Равкина. Пристальное изучение педагогического наследия Ленина (во многом — надуманного, как, например, тема воспитания юным Лениным чувашского мальчика Охотникова, поднятая несколькими авторами журнала в 70-е годы) было малопродуктивным, как любая концентрация внимания на узкой теме. Наши авторы испытывали дефицит ленинских сюжетов на педагогическую тему — и в ход шло всё. В целом в середине 80-х в журнале продолжались линии предыдущих десятилетий. Сочетание учебного и трудового начала в школе, дружба народов СССР, передовой педагогический опыт, борьба с социальным расслоением в школах, воспитание патриотизма, чествование заслуженных педагогов из разных уголков страны — эти сквозные темы в журнале не обрывались. Новейшие тенденции педагогики середины 80-х отражала рубрика «Воспитанию учащихся — комплексный подход». По сложившейся традиции, о комплексном подходе писали как теоретики, так и практики. Учителя — о том, какие пути и способы воспитания оказываются эффективными в работе со школьниками: от занятий спортом («Плывать уметь должен каждый школьник» Л. Горчаковой в № 10) до обсуждения актуальных новостей политической жизни («Политинформация как средство политучёбы школьников» Ф. Горелика в том же 10-м номере). Были в этой рубрике и статьи о «свободном времени учащихся», о новых подходах к изучению основных школьных дисциплин. Но самые серьёзные педагогические проблемы по-прежнему освещались в разделе «Мысли, отклики, предложения».

Так, статья Л. Айзермана «Урок литературы в контексте современной жизни» представляет интерес как поиск путей соприкосновения насущных потребностей школьников и программного материала по истории литературы, преподаваемой в старших классах. В практике каждого учителя наступает период, когда он всерьёз задумывается о востребованности своей любимой темы школьной или университетской аудиторией. В этих размышлениях находится место сомнениям и страхам, но нужно суметь и эти настроения мобилизовать для достижения педагогических целей.

Старые друзья журнала — живые и ушедшие от нас — получали должное в свои юбилейные дни. К 100-летию со дня рождения А.С. Бубнова в № 4 за 1983 год опубликованы статьи Д. Бейлинсона «Битва за всеобуч» и В. Проскурина «Роль А.С. Бубнова в развитии советской школы на Урале». В десятом выпуске коллеги почтили добрым словом многолетнего редактора и заместителя главного редактора журнала Александра Евсеевича Бойма (публиковался также в журнале под псевдонимом Б. Александров). Статья об этом скромном человеке, которому «Народное образование» обязано многими лучшими публикациями 60-х годов, называется «Награждён медалью К.Д. Ушинского». А в пятом номере журнала отмечалось 70-летие Сергея Владимировича Михалкова. Т. Полозова посвятила писателю статью «Всё начинается с детства». Журнал «Народное образование» поздравлял этого замечательного поэта и с 50-летием, и с 60-летием... А в 2003 году, когда журнал будет отмечать своё двухсотлетие, Сергей Владимирович — дай Бог ему доброго здоровья! — отметит 90-летие. Конечно, «Народное образование» не останется в стороне от такого славного юбилея. Прекрасный праздник благородного и трудолюбивого человека, фронтовика, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, любимого поэта советских детей, а значит — и нашего любимого поэта, потому что каждый читатель начинается с детства. В 2002 году журнал «Народное образование» опубликовал стихи Сергея Владимировича, ставшие гимном России. Да, Сергей Михалков не складывает оружия. Когда-то он прославлял братство народов Советского Союза, братство детей, о котором немало писал и журнал «Народное образование». И стихи его о детях были оптимистичны:

С.В. Михалков

В Казани он татарин,
В Алма-Ате — казах,
В Полтаве — украинец
И осетин в горах.

Он в тундре — на оленях,
В степи — на скакуне,

Он ездит на машинах,
Он ходит по стране...

Его дворцы в столицах,
Его Артек в Крыму.
Всё будущее мира
Принадлежит ему.

Новые стихи Михалкова показывают, что и в суматохе нашего дня поэт разглядел существенные перемены в жизни детей и написал об этом с тревогой:

Наши дети! Наши дети
Обсуждают всё на свете.
И от них не в стороне
Все события в стране.

Я приехал как-то с дачи,
Отворил окно во двор
И услышал вдруг ребячий
Трёх подружек разговор.

— Ну, а я, — сказала Ира, —
Заведу себе банкира!
С ним я буду круглый год
Одеваться в Доме мод.

— У меня, — сказала Люда, —
Далеко идущий план:
Заработаю валюту —
И открою ресторан!

— Я хочу, — сказала Вера, —
Быть женой миллионера.
Буду ездить по Москве
На спортивном «БээМВэ»!

Меж собой когда-то дети
Разговор вели иной.
А за этих мы в ответе
Перед собственной страной.

Ситуация, о которой написал поэт, хорошо известна современным российским учителям. Можно ли быть равнодушным к такому упрощению детских идеалов, ограниченных такими вот нехитрыми «бизнес-планами»?

Жизнь Сергея Михалкова хорошо известна и по его собственным мемуарам, и по многочисленным воспоминаниям современников, и по байкам об остроумном и находчивом человеке. Нередко нам приходилось слышать, как Сергея Владимировича упрекали в сотрудничестве с Комитетом Государственной Безопасности. Интересно знать, с каких это пор служба родному государству считается предосудительной для писателя и дворянина? Михалков служил и служит своей стране, а эта миссия требует и смелости, и честности. Очень многие в мире дорого заплатили бы за то, чтобы Сергей Михалков сотрудничал не с КГБ, а со спецслужбами иных стран. Но он не предал своей Родины — и за это терпит упреки тех, о чьих связях с противниками СССР в холодной войне нам ещё предстоит узнать...

4

В отделе «За рубежом», руководимом О. Смекалиной, как и прежде, выделялись статьи И. Косоножкина и В. Митиной. Иван Михайлович в обход традиции предпочитал публиковать не «руководящие» статьи вне рубрик, а «рабочие» обзоры по той или иной близкой ему теме. Кроме того, в журнале печатались и зарубежные авторы — из Вьетнама, Германской Демократической Республики, ЧССР... Е. Соколов написал едкую статью «Проблемы «детской культуры» в странах Запада (Швеция)» (№ 6). В скандинавских странах, а особенно в Швеции, с конца XIX — начала XX ве-

ка большое развитие получила детская литература — стоит только вспомнить имена двух шведских писательниц — Сельмы Лагерлёф и Астрид Линдгрен. Но наш автор интересуется скрытыми сторонами детской политики в Швеции — и обнаруживает чудовищное лицемерие и развращённость. Последующая история показала, что в рассуждениях Е. Соколова, несмотря на известную долю конъюнктурности, присутствовала сермяжная правда. Самые маргинальные ответвления современной культуры получили в Швеции радикальное развитие, лишив тамошнюю культуру своеобразия, уничтожив мир детства.

1984 год был характерен обилием статей и лозунгов, посвящённых развёрнутой реформе школы. Реформа, реформа, реформа... Вот и главный редактор «Народного образования» Г. Веселов озаглавил свою статью восклицанием: «Воплотим в жизнь идеи реформы!»

Два помпезных юбилея — 60-летие присвоения имени Ленина пионерской и комсомольской организациям — также были отмечены в журнале. Сейчас этот повод для юбилейных торжеств ка-

жется чуть ли не анекдотическим, но в те времена ритуалы, связанные с культом Ленина, считались актуальными и были едва ли не важнейшей стороной воспитательной программы. Со статьёй о «ленинском юбилее» пионерской организации «Шестьдесят лет с именем Ленина» выступила Алевтина Васильевна Федулова. Жизнь А.В. Федуловой современный читатель представляет по скупым строчкам предвыборных бюллетеней:

В 1970-е годы день космонавтики стал всенародным праздником

«Родилась 14 апреля 1940 года в г. Электросталь, Московской области. С 17 лет работала в школе учителем. В 1968 году была избрана 1-м секретарём горкома комсомола г. Электростали, затем секретарём Московского обкома ВЛКСМ.

В 1971 году — Председатель Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени Ленина. С 1971-го по 1984-й — секретарь ЦК ВЛКСМ... С 1984 года — ответственный секретарь Советского Комитета защиты мира. С 1987 по 1992 г. — 1-й заместитель председателя Комитета советских женщин, затем председатель Комитета советских женщин. В декабре 1993 г. избрана лидером парламентской фракции «Женщины России».

С января 1994 г. избрана заместителем председателя Государственной Думы РФ».

Праздничный тост о комсомоле в статье «Боевой помощник и надёжный резерв партии» на страницах журнала произнесла Людмила Ивановна Швецова. Она и сегодня — не последний человек на политическом Олимпе: «Первый заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы. Родилась 24 сентября 1949 года в Алма-Ате. В 1973 г. окончила Харьковский авиационный институт, работала в авиационном КБ им. О.К. Антонова в Киеве. С 1975 г. — секретарь райкома ВЛКСМ, заведующая отделом, секретарь ЦК ВЛКСМ Украины. В 1981–1989 гг. — секретарь ЦК ВЛКСМ; с 1989 г. — руководитель отдела Секретариата Верховного Совета СССР, аппарата съездов народных депутатов СССР. С 1994 по 2000 г. возглавляла Комитет общественных и межрегиональных связей правительства г. Москвы. В январе 2000 г. назначена первым заместителем премьера, руководителем Комплекса социальной сферы. Награждена тремя орденами, медалями».

Как говорится, все мы вышли из комсомола и из пионерской организации.

* * *

В третьем номере за 1984 год читателям журнала был представлен новый Генеральный секретарь Константин Устинович Черненко, чье имя связывалось с форсированием школьной реформы. Реформа требовала руководящих указаний — и в журнале начали появляться публикации ответственных государственных деятелей. Доклад «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» делал на сессии Верховного Совета СССР Гейдар Алиевич Алиев (род. в 1923 г.). Доклад Алиева опубликован в шестом номере журнала. Гейдар Алиев был одним из крупнейших политических деятелей Советского Союза 70–80-х гг. Кадровый работник органов, генерал, председатель КГБ при Совете Министров Азербайджана, в 1969 году он возглавил ЦК Компартии этой республики и за десять лет стал любимцем Брежнева. В 1982 году Алиева, который уже шесть лет был кандидатом в члены Политбюро, избирают членом Политбюро и переводят в Москву, в правительство. С 1982-го по 1987-й он — второй человек в союзных правительствах Тихонова и Рыжкова. Некоторые исследователи предполагают, что именно Алиева Ю.В. Андропов готовил в преемники стареющему премьеру Тихонову, и это кадровое решение могло бы сыграть цементирующую роль в борьбе с сепаратизмом республик, показать республиканским элитам пример успешной карьеры выходца из Азербайджана. К тому же Гейдар Алиев и в наше время доказывает свою политическую состоятельность, продолжая возглавлять родной Азербайджан. Сейчас Г.А. Алиев — самый опытный и, пожалуй, самый авторитетный политик на пространстве бывшего СССР.

Г.А. Алиев

Школьная реформа 1984 года осталась в истории как самое неудачное из крупных мероприятий советского времени в области образования. Обратимся к содержательной стороне той реформы. Одной из главных её задач было объявлено улучшение трудовой подготовки учащихся. Предусматривалось

дополнение обязательного среднего образования всеобщей начальной профессиональной подготовкой (с 8-го класса), значительное увеличение времени на трудовое обучение, обязательный общественно полезный, производительный труд. Эти меры вызвали ассоциации с традициями 20-х годов, с развитием трудовых школ. Сохранялся и труд школьников в период летних каникул — в ученических производственных бригадах, в лагерях труда и отдыха. Базовые предприятия, помогавшие школам материально и закреплённые за средними и 9-летними школами, обязаны были предоставлять учащимся рабочие места для трудовой практики.

Тогда же были введены в действие переработанные типовые программы трудового обучения в 1–4-х и 5–7-х классах. К 1987–88 учебному году были разработаны программы профессионального обучения: в 8–9-х классах по 30 профилям и в 10–11-х классах — по 80. Была также разработана типовая программа курса «Основы производства. Выбор профессии», вводимого в 8–9-х классах. Существенной переработке подверглись нормативные документы: положение о базовом предприятии школы, о трудовых объединениях школьников, об учебно-производственном комбинате. Созданы новые положения, например, о школьном кабинете профориентации, об учебно-опытном участке, об организации трудового обучения и общественно полезного труда школьников на базе средних профтехучилищ. Стало ли всё это школьной практикой? Признаемся честно: большинство школ отделалось видимостью работы. На реальной жизни советских школьников 80-х годов трудовое обучение почти не отразилось. Может быть, причина провала реформы в том, что, по сути дела, на её реализацию школам было дано три учебных года — 1985–1988-е. А уже в 1989-м командно-административная система утратила силу своих рычагов, горбачёвская перестройка смешала все карты, и за реализацию реформы 1984 года, по существу, никто уже не отвечал. Кроме того, годы «перестройки» расставили новые акценты — и те явления школьной жизни, которые в 1984 году казались основными, стали восприниматься как второстепенные.

В учебно-производственных комбинатах школьники получали профессию

Реформе было посвящено немало публикаций, в том числе статья Ф.Г. Паначина «Новый этап дальнейшего развития советской школы» (1984, № 8). Из других заметных публикаций этого года выделим статью А. Макареки, посвящённую 150-летию со дня рождения Д.И. Менделеева, «Я сам был учителем...» (НО, № 2), и работу З.И. Равкина, на этот раз — посвящённую 100-летию А.П. Пинского: «Видный теоретик советской педагогики» (№ 1). Необходимый руководителям школ и органов управления образованием культурный контекст был создан авторами журнала середины 80-х с широтой: от Менделеева до Амонашвили, от Ушинского до Макаренко, от Толстого и Ломоносова до Крупской. Оставались, конечно, и персоны «нон-грата»: С.С. Уваров, В.В. Розанов... О них журнал заговорит только с 90-го года...

В 1985 году в журнале был представлен новый глава государства — М.С. Горбачёв, уже публиковавшийся в «Народном образовании» в 1984 году (№ 3).

В этом же году на страницах издания появился ещё один известный в будущем политик, один из ближайших соратников Б.Н. Ельцина в первой половине 90-х годов, Олег Иванович Лобов (род. в 1937 г.). В 8-м номере была напечатана его статья «Трудовой подготовке молодёжи — хорошую организацию (опыт школ Свердловской области)». О.И. Лобов происходит из старинного казачьего рода, упоминаемого в шолоховском «Тихом Доне». Дядя Олега Ивановича, живший в Вёшенской,

принимал Михаила Александровича Шолохова в партию, в ВКП(б)!.. С 1960 года О.И. Лобов учился и работал на Урале, а в 1971-м познакомился с Б.Н. Ельциным, что и определило дальнейшую судьбу будущего секретаря Совета Безопасности России. Он стал преемником Ельцина на посту заведующего отделом строительства в Свердловском обкоме, затем был секретарём обкома и председателем исполкома при Первом секретаре Ельцине. С 1987 года — инспектор ЦК КПСС, заместитель Председателя Совмина РСФСР. Позднее был избран Вторым секретарём ЦК Компартии Армении. В КПСС состоял до августа 1991 года. В то время Лобов числится среди самых преданных соратников Ельцина. Во время событий августа 1991 года Ельцин поручает Лобову возглавить «запасное» правительство в Свердловске — на случай ареста Ельцина и И.С. Силаева⁴.

В одном из политических справочников того времени о Лобове говорится:

«Является сторонником сильного государства. Считает, что начало реформ было вынужденным, что рыночная экономика не должна быть бесплановой, следует сохранить государственное управление. Выступает против радикализма, необоснованной мечты о свободном рынке, который якобы автоматически приведёт к благоденствию. Ратует за переход с революционных на эволюционные пути развития, считает, что сращивание коммерческих структур с властными может дать ещё более жёсткую форму монополизма. Выступал за создание российских денег, реформу налоговой системы».

Его программа отличалась резким усилением регулирующих функций правительства. Он отрицательно оценивал приватизацию «по Чубайсу» и требовал сократить с 80% до 30% долю государственной и муниципальной собственности, которая передаётся для обмена на ваучеры. В этом Лобов нашёл соратника в лице мэра Москвы Ю. Лужкова. Увы, в нашей властной элите они тогда оказались в меньшинстве. В сентябре 1993 года Лобова «отстраняют» от экономики — и он возглавляет Совет Безопасности. После начала войны в Чеченской республике пост главы Совета Безопасности стал скользким — и Лобову пришлось покинуть кабинет на Старой площади. Его возвращают в правительство Черномырдина, но вскоре Олег Иванович покидает большую политику. Как и многие консерваторы, в эпоху Ельцина прорвавшиеся на командные посты, Лобов подвергся террору свободной прессы. Его компрометировали с изощрённой фантазией: устраивали встречи Лобова с сектантами, приписывали ему связи с Аум-Синрикё, всячески ссорили с Лобовым президента. Так было...

Заместитель министра просвещения РСФСР и с 1987 года главный редактор журнала Иван Косоножкин не любил выступать с программными, руководящими статьями. Но в 1985 году он опубликовал статью — «Организаторскую работу — на осуществление реформы». К подобным выступлениям обязывала работа в республиканском министерстве.

Большой популярностью в те годы пользовалась у учителей рубрика «Подготовка учителя, совершенствование мастерства», ставшая трибуной для активных учителей, вузовских преподавателей и исследователей-методистов институтов усовершенствования учителей, которые вели поиск новых путей педагогического образования. Обзор деятельности известного московского института подготовила З. Прошина: «Стать подлинно научно-методическим центром (опыт Центрального института усовершенствования учителей)» (НО, № 5). Институт этот действует и в наше время. Для многих людей он стал привычным местом, где учатся учителя. В 1-м номере за 1985 год вышла знаменательная публикация «Профессиональный отбор — в действии (опыт работы педагогических классов, созданных в ряде московских школ)». Авторы — М. Стукалина, Т. Холоденко, Н. Сартан, А. Каспржак, В. Караковский, И. Александрова, А. Лебедев — предлагали начинать педагогическую специализацию со старших клас-

² Силаев Иван Степанович — председатель Совета Министров РСФСР.

сов средней школы. Реализуя эту идею, московские учителя провели ряд экспериментов, вовлекших школьников в педагогическое творчество. И это явление не стало коротким эпизодом в истории школ, упомянутых в статье. В 90-е гг. в «Народном образовании» появляются публикации директора педагогической гимназии А.Г. Каспржака, одного из авторов статьи 1985 года. Педагогическая гимназия выросла к 90-м гг. из первых педагогических классов, о которых и писали педагоги в 1985 году.

В 7-м выпуске того же года под рубрикой «Совершенствовать учебно-воспитательный процесс» вышла статья Л. Айзермана «Изучение литературы и воспитание литературой». Как это свойственно нашему многолетнему автору, статья получилась яркой, методически выверенной. В 90-е годы Лев Айзерман издаст в «Народном образовании» свою монографию, в которой его идеи преподавания литературы в школе изложены в наиболее полной форме.

В том же 1985 г. находим статью руководителя крупнейшего педагогического издательства «Просвещение» Дмитрия Дмитриевича Зуева. Он рассказал об известном русском первопечатнике — Иване Фёдорове, связав его имя с привычной автору практикой: «Просветительские традиции Ивана Фёдорова в советском учебном книгоиздании» (НО, № 9). Знаменательное выступление крупного практика, увлекавшегося и исследовательской работой. В 1987 году Д. Зуев писал и о системе комплексного издания учебной и вспомогательной литературы для учителей и школьников («Внимание: учебник!», в № 3), и о планах издательства «Просвещение» (№ 2). В 80-е годы Д.Д. Зуев, несомненно, стал одним из самых авторитетных авторов нашего журнала, и читатель ждал его дельных статей. Отдел рецензий, возглавляемый О. Смекалиной, был очень содержательным. Со своими мыслями о новых книгах выступали молодые авторы.

В десятом номере в отделе рецензий «Прочтите это в журналах» была опубликована рецензия Галины Семькиной «Труд и талант учителя» (на книгу А.М. Кондратенкова. — М.: Просвещение, 1985). Эта, казалось бы, рядовая статья знаменательна тем, что её автор — Г. Семькина (Меншикова) — в 90-е годы, в самое трудное для журнала время, возглавит редакцию «Народного образования». Под руководством Г. Меншиковой журнал в то труднейшее время не умер, хотя упал его тираж, резко сократился объём... не было денег на бумагу.

К 1987 году журнал погрузился в пространство новой кампании — перестроечной. Теперь о перестройке в журнале заговорили все — Л. Швецова, Т. Бескова, Н. Целищева, Г. Веселов. Статья республиканского министра Веселова так и называлась — «Ответственный этап перестройки школы» (№ 8). Наши авторы пытались использовать пропагандистский арсенал перестройщиков для оживления образовательной программы, для обновления школьной практики. Хотелось избавиться от всего заскорузлого, рутинного, и идеи перестройки в этом помогали. Наши авторы видели перестройку локомотивом для ускоренного продвижения прогрессивных научных идей. Этой теме посвящена статья Н. Целищевой «Этап конструктивной работы (научная концепция углубляет перестройку)». Статья раскрывала актуальную тему — роль педагогической науки в перестройке школы.

В те годы книгоиздание в стране развивалось бурно, выходило всё больше интересных книг, вызванных к жизни «свежим ветром перемен». Отдел рецензий в журнале стал одним из самых боевых.

5

С № 12 за 1988 год журнал возглавил Владимир Яковлевич Ермолаев — блестящий журналист с многолетним опытом работы заместителем главного редактора «Учительской газеты» (мы уже встречали его фамилию в рассказе о В.А. Сухомлинском — помните партийное собрание в «Учительской газете?»). Он быстро завоевал авторитет сотрудников редакции и читателей. Н.И. Целищева характеризует период редакторской деятельности В. Ермолаева как прорыв к новому качеству журнала: «Политическую злободневность он сумел органически слить с болевыми точками школы, образования. Гражданская неуспокоенность сочеталась в нём с бесконечной увлечённостью своим делом при полном отсутствии амбиций... Он был аристократом духа и ещё больше — аристократом дела».

Социальная и творческая зрелость профессионального журналиста, обострённое политическое чутьё, честная гражданская и нравственная позиция главного редактора наложили свой отблеск на содержание журнала. Владимир Ермолаев считал, что долг и назначение журнала — не только помогать Министерству просвещения реализовать образовательную политику, но и формировать общественное мнение по актуальным проблемам образования, высказывать отношение образовательного сообщества к деятельности главного штаба отрасли. Это отношение и оценка не всегда были лицеприятными. В истории журнала тех лет встречались ситуации, когда Высокое Начальственное Лицо гневно топало ногами и требовало: «Снимите эту статью из номера или вы лишитесь работы...» Но вот что совершенно было чуждо редактору Ермолаеву, так это поза «чего изволите-с?». Статья появлялась...

Как любой печатный орган, «Народное образование» не могло остаться «вне жизни и вне политики»: журнал отразил публицистический бум тех лет, когда в каждом «толстом» издании — в «Новом мире», «Знамени», «Неве», «Октябре» — появлялись статьи Бурлацкого, Шмелёва, Кожина, Нуйкина, Казинцева, Шафаревича, Жуховицкого, Клямкина...

Публицистика широко представлена в те годы и на страницах «Народного образования».

Вместе с тем уже тогда были посеяны зёрна того, что позже станет основным содержанием журнала: материалы технологического уровня, помогающие руководителям школ и учителям в преодолении их профессиональных затруднений. При Ермолаеве появились такие рубрики, как «НОУ-ХАУ», «По ступенькам мастерства», «Панорама методических идей», «Учитель — учителю: поделимся опытом». Содержание публикаций этих рубрик — «бери и делай», адаптируя к своим возможностям, своим условиям.

Как ответ на новые веяния времени, требующего нового осмысления наших идеологических основ, а во многом их переосмысления в «Народном образовании» появилась новая рубрика — «Идеологические беседы». В материалах рубрики радовала честность: пора уж говорить об идеологии без оговорок, умолчаний, не снижая значения этой актуальной во все времена темы. Идеология — явление многослойное. Государственная идеология включает в себя идеологию просветительскую, а у каждого занятия, связанного с мотивировкой людей, с мобилизацией эмоциональных резервов, не может не быть своей профессиональной идеологии. Есть идеология и у каждой школьной реформы, у каждой школьной программы. И любой руководитель — высокого ли, низкого ли ранга, если сел в кресло — значит, стал политиком. Авторы новой рубрики должны были показать разные аспекты этого сложного явления. И первой идеологической беседой с читателем стала статья В. Куманёва «Историческая наука и историческая правда» (№ 9).

В те времена казалось, что историческая правда должна быть превыше любой политической и социальной целесообразности. Слишком долго наша наука (и не только историческая) была в плену коммунистической идеологии, что породило много «белых пятен», а то и «чёрных дыр», была вынуждена работать на государство. От этого груза тогда хотелось освободиться. Мы не видели опасности в том, что деидеологизация приводит к размыванию практической ценности науки. Теория становится «факультетом ненужных вещей», салонной игрушкой. Но в то время В. Куманёв видел единственный путь развития исторической науки в ориентации на историческую правду, даже если она нанесёт вред народному согласию, даже если спровоцирует раскол общества. О социальной терапии, которую должны проводить и школа, и историческая наука, в те рестроечные годы мы предпочитали не думать. Не было у нас такого опыта. Зато в это же самое время установка на социальную терапию преобладала в Соединённых Штатах, как известно, не распавшихся в 1991-м...

Не обходил журнал и развёрнутых портретов школ — одна из рубрик «Народного образования» 80-х называлась «Школа крупным планом». Безусловно, эти выступления становились событиями для школ, подспорьем в педагогической работе. Пожалуй, самой заметной публикацией «Школы крупным планом» стала статья Т. Бесковой и Н. Целищевой (самых плодотворных наших авторов вто-

В.Я. Ермолаев

рой половины восьмидесятых) «Любовь на всю жизнь (об опыте работы педагогов 526-й средней школы г. Ленинграда)» (1988, № 9).

В конце 80-х годов, в пору резких идеологических нападков на А.С. Макаренко, к макаренковской теме снова обращается Валентин Кумарин. Его статья «Зодчий коллектива», напечатанная в третьем номере за 1988 год, многим, наверное, казалась тогда старомодной и даже ретроградской, как и ещё несколько публикаций о Макаренко, помещённых под рубрикой «Факты, документы, воспоминания». В. Кумарин не в последний раз выступил в роли «возмутителя спокойствия», заговорив о трудовой школе, заставив многих читателей журнала обратиться к актуализации наследия Макаренко. И в следующем, 1989 году Валентин Васильевич последовательно звал читателей: «Вперёд, к Макаренко!» (№ 8), продолжая направление статьи В.А. Сухомлинского «Идти вперёд!», опубликованной в том же номере.

В 1989 году под руководством Владимира Ермолаева «Народное образование» заметно обновило журналистский арсенал. Из передовых статей того года выделяются программная статья главного редактора «Сельская школа: нужен крутой поворот» (эта тема станет коронной для В. Ермолаева) и академика РАН Никиты Моисеева «Пути в неведомую страну» (№ 8). Об этом авторе нашего журнала, конечно же, стоит рассказать подробнее. Никита Николаевич Моисеев (1917–2000) относился к тому исчезающему типу великих русских людей, которые целиком посвящали свой труд родной культуре, родному Отечеству. Его работы 70–80-х гг. сыграли огромную роль в предотвращении ядерной войны, открыли пути развития отечественной экологии, «пути в неведомую страну», как писал он на страницах «Народного образования». Мы уверены, нашим читателям профессионально интересно знать и завещание Никиты Николаевича Моисеева — оно посвящено и тем, кому предстоит работать в журнале «Народное образование» в будущем. В своей последней работе «На пороге» он рассуждал о судьбе нашей страны, отталкиваясь от прочтения книги В. Голованова «Махно»:

«Я низко кланяюсь долготерпению народа, к которому принадлежу, и его любви к родной и неласковой земле, ибо только им мы обязаны относительным спокойствием нашей современной жизни с ее нищетой и бесперспективностью. Но потенциал возмущения и ненависти тем не менее накапливается и может легко вспыхнуть тем костром ужасов, которые описаны в книге Василия Голованова.

Пришло время обо всём этом хорошо подумать и, пока не поздно, упредить опасное развитие событий. Последнее мне кажется в принципе возможным.

Я убеждён, что пришло время для серьёзного разговора; время общенациональной дискуссии — дальше откладывать невозможно. Точнее — очень опасно! Мы однажды должны решить, о каком «светлом будущем» мы можем думать. И сообразно которому мы должны действовать, подчинив этому будущему наши усилия, стремления и желания. Отсутствие путеводной звезды и политическое безволие смерти подобно!

Многое уже говорилось и ещё многое будет сказано о причинах крушения Советского Союза. Говорилось об искусственности самой конструкции государства, о внешних влияниях, о крушении идей коммунизма и многом другом. Наверное, в каждом из подобных высказываний есть доля истины. Но главная причина мне открылась при весьма неожиданных обстоятельствах.

В марте 1992 года указом президента Б.Н. Ельцина был образован Совет по анализу критических ситуаций. В него вошли двенадцать членов Российской академии наук, а председателем был назначен я. Курировать деятельность совета было поручено Г.Э. Бурбулису, тогда второму лицу в государстве. К сожалению, несмотря на все наши потуги, совет так и не смог сделать что-либо полезного и в силу ряда объективных обстоятельств прекратил свою деятельность, хотя формально распущен не был. Тем не менее мне приходилось несколько раз встречаться с Г.Э. Бурбулисом и обсуждать возможную деятельность совета. И однажды я его спросил: а зачем всё это понадобилось, имея в виду Беловежские соглашения. Бурбулис картинно поднял руки: «Как вы не понимаете — теперь над нами никого нет!»

Вот она, истинная причина: всё для обретения и сохранения власти!

На грани 90-х годов, когда стали появляться разговоры об одномоментном переходе к рыночной экономике и открытии собственного рынка для международной экономической экспансии, то уже довольно много людей предупреждали, что мировой рынок просто сметёт нашу экономику. Дело в том, что мы принципиально не можем по всем статьям быть конкурентоспособными, благополучным странам. Достаточно сказать, что требуемые энергозатраты в нашей стране в три, четыре, а то и в пять раз выше, чем в Европе и США. Этот факт объективный, и экономисты не могут его игнорировать!

Всё то, чего мы так опасались, — проигрыш «холодной войны», разрушение государства и уничтожение промышленности, — состоялось!

Я никогда не поверю, что более или менее грамотные экономисты гайдаровской команды не представляли себе последствий своих решений. В 1992 году я ещё верил, что происходящее — результат некоторой ошибки, что это проявление некомпетентности. Но теперь я убеждён, что прав Джеффри Сакс, который утверждал, что все действия людей типа Гайдара были вполне целенаправленными и заранее продуманными. В результате — деградация страны и накопление потенциала народной ненависти!

Итак, мы оказались на пороге того этапа истории, который легко может стать кровавым хаосом, ибо нельзя долго держать 150-миллионный народ в шкуре побитой собаки.

Мы сегодня занимаемся штопаньем дыр и стараемся залечить болячки, которые сейчас, в данный момент мешают нам жить. Подобная деятельность необходима. Но нельзя не думать и о долгосрочных планах, о стратегических замыслах, ибо без них штопанье дыр приведёт лишь к новым дырам и только ускорит наше движение в небытие. И я надеюсь, что этот факт постепенно доходит и до сознания политиков. Но очень своеобразно. Начинают говорить о национальных целях. Предлагают заняться их разработкой. Может быть, это и необходимый этап развития самосознания общества, но как-то при этом забывают, что национальные цели не придумываются, не привносятся извне, а рождаются в самом народе — это проявление объективных стремлений нации...

Есть несколько положений, которые, как мне представляется, уже поняты нацией. Прежде всего никого уже не способны воодушевить разговоры о державности или «Третьем Риме»: имперское мышление раз и навсегда покинуло первые строчки национальных приоритетов. Но есть одно, что всегда остаётся с нами. Это огромная неуютная и суровая часть Земли, которая нам определена судьбой, на которой нам предстоит жить, и главная проблема — как обустроить эту десятую часть планеты, чтобы на ней могла снова развиваться спокойная и умная жизнь, лишённая системных кризисов и отвечающая тем цивилизационным установкам, которые за тысячелетия жизни на этой земле стали нашим alter ego. И мне представляется, что подобное утверждение отвечает стремлениям большинства населения нашей страны.

Если в советские времена хотя бы говорилось о некоторых общих целях развития, то теперь мы вообще изображаем слепых, бредущих даже без символического поводыря. И я думаю, что сегодня кризис дошёл до некоторого предела, за которым начинается необратимая стагнация. И кажется, что этот факт доходит до сознания и народа, и большинства неангажированных политиков. Всему народу нужны ясность того, что мы хотим, и стратегия желаемого результата.

Общество жаждет покоя и стабильности. Народ бесконечно устал. И в то же время людям нужен не только покой. Им необходимо, чтобы их жизнь была осмысленна. Но, увы, такого добиться не удастся без трансформации правительства и Конституции. Я бы не побоялся сказать — без смены политических элит. И это необходимо отчётливо объяснить или даже разъяснить обществу, предложив некоторую достаточно простую схему. И не идеальную схему общества, не некую новую утопию, а показать то жизненное устройство, которое

БЫЛО БЫ СПОСОБНО ОБЕСПЕЧИТЬ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ КОМФОРТНОЕ И ОСМЫСЛЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ НАШИМ ЛЮДЯМ НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ. ДРУГИМИ СЛОВАМИ, НАДО СКАЗАТЬ ЛЮДЯМ ПРАВДУ!

Без плюрализма форм собственности и главным образом без симбиоза кооперативной, частной и государственной собственности на базе широкой демократизации никакое современное государство не может рассчитывать на сколько-нибудь быстрое развитие, на более или менее благополучное будущее, а тем более на восстановление почти до конца разрушенного народного хозяйства.

Система управления, то есть конституция и структура управляющих органов, должна быть изменена так, чтобы во главе страны находился не просто «гарант Конституции», но и правительство, отвечающее перед народом, а не перед «гарантом». А времени для такой трансформации у нас совсем не остаётся. Стук шахтёрских касок это показывает.

Мне очень хочется верить, что кровавых событий, расстрелов Думы и других катаклизмов подобного рода уже больше не будет. Но смена политических элит, приход к власти людей, способных ценить нашу цивилизацию, любить нашу землю, способных изменить «курс», необходимы. Иначе — продолжение пути в небытие, нарастание процесса деградации во всех сферах. Надо приложить все усилия, чтобы эта смена произошла, но произошла бескровно, чтобы сработал демократический принцип естественной замены властных структур.

Перемены не произойти не могут: вода доведена до кипения. Но как сделать, чтобы они смогли произойти в нужном ключе, чтобы костёр страстей не сжёг остатки государства? И им должны предшествовать дискуссии и общенародное свободное обсуждение. Нация должна сбросить с себя ощущение «безнадёги». Оно должно быть заменено ВЕРОЙ, верой в собственные силы и возможности. А это и есть основная задача интеллигенции. И средств массовой информации, если они желают блага своему народу».

Веянием нового времени стала и рубрика «Крупным планом: портрет учителя», в которой наши авторы преодолевали установку на жёсткий коллективизм («Эти успехи достигнуты благодаря коллективу...»), показывая *личность* в школе. Здесь писали о педагогах: о Е. Ямбурге, Л. Лещинской, Т. Зепаловой... Писали так, чтобы образы педагогов заинтересовали не только профессионального читателя. У авторов рубрики — Ларисы Захаровой, Татьяны Бесковой, Нины Целищевой — получалась не только профессиональная, но и лирическая публицистика в лучших традициях...

Повышалась планка гласности, росли читательские требования к остроте публикаций. Вспомним: это было время коротичевского «Огонька», время острой полемики «левых» (по тогдашней терминологии) «Московских новостей» и «правой» «Советской России». Многолетние авторы журнала форсировали некогда нежелательные темы. Так, жёстче стал ставить проблемы Л. Айзерман: «Гуманизм против технократизма (о преподавании литературы в школе)».

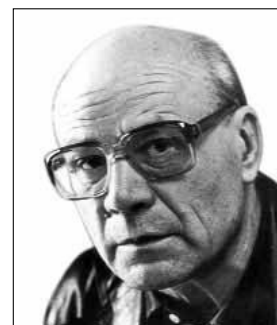
В духе эпохи была и рубрика «История Отечества: далёкое и близкое». Острота исторических катаклизмов (помните об установке на историческую правду?) теперь не приглаживалась ритуальной идеологической лояльностью. В шестом номере авторы рубрики попытались переосмыслить легенду о пионере-герое Павлике Морозове, которого в те времена из героя превращали в идеологическое пугало. Уже в наше время ниспровергателей Павлика охладил академик М.Л. Гаспаров, которого не отнесёшь к адептам сталинизма: «Не забывайте, что в Древнем Риме ему тоже бы поставили памятник. И что Христос тоже не велел иметь ни матери, ни братьев»⁵. Авторы статьи 1989 года пытались разобраться: был ли этот подросток доносчиком или просто отказался лжесвидетельствовать на суде. Взял под свою защиту пионера-героя и ещё один наш любимый автор — Сергей Владимирович Михалков: «Пользуюсь случаем вернуть Павлику Морозову его право быть убиенным ребёнком, страдальцем, а не исчадием ада. Неподтасованные факты таковы: да, тринадцатилетний Павлик дал на

суде показания на отца. А точнее — подтвердил то, что в качестве свидетельницы сказала мать. И никак иначе он поступить не мог. Ведь мать уже дала правдивые показания. Значит, если бы Павлик захотел выгородить родимого негодяя, то, во-первых, он, скорее всего, был бы уличён в неправде. А главное, ему пришлось бы выбирать между ненавистным отцом (отец пьянствовал, бил детей и мать и в конце концов на глазах у всей деревни ушёл к другой женщине) и несчастной любимой матерью, которую ложными показаниями он мог бы поставить под удар. Учтём, что судили Трофима Морозова не за что иное, а за то, что он, будучи председателем сельсовета, спекулировал фальшивыми справками, которые предназначались ссыльным крестьянам...»⁶.

Иван Щось (псевдоним сотрудника редакции Юрия Леонидовича Скрылёва) опубликовал в «исторической» рубрике свои «Страсти по Мусоргскому», а наш известный патриот-почвенник, автор книги о Дмитрие Донском, писатель Юрий Лоциц — статью «Вещий слух», относящуюся к русской героике. Всё это были талантливые литераторы с устоявшейся репутацией, украшавшие своим присутствием журнал «Народное образование», поднимавшие планку стилистического уровня наших публикаций. Как вспоминает Н.И. Целищева: «Когда чьё-нибудь перо «из лиры звук неверный исторгало», фальшивило, когда журналист кривил душой, он (В. Ермолаев. — *В.Ч., А.З.*), иронично прищурившись, говорил: «Не жертвуй светом, добывая свет...» Да, не о каждом руководителе сотрудники сохраняют подобные воспоминания...

Академик Игорь Васильевич Бестужев-Лада (род. в 1927 г.), член редакционной коллегии нынешнего «Народного образования», в 1989 году под рубрикой «Культура: идеи, события, люди» опубликовал статью «Живая совесть народа», посвящённую шестидесятилетию Василия Макаровича Шукшина (1929–1974). Эссе Шукшина «Вопросы самому себе», в котором писатель затронул проблемы воспитания, опубликовано в том же номере журнала. Учитель, писатель, кинорежиссёр, актёр Василий Шукшин немало страниц своей прозы посвятил школе, учителям, детям. Тяга русского человека к просвещению — вот один из основополагающих образов замечательного писателя, которого почитают все друзья «Народного образования». А Игорь Васильевич Бестужев-Лада — футуролог, философ, социолог, педагог, словом, учёный с широкими интересами — был и остаётся другом «Народного образования» и его постоянным автором.

Библиографическая рубрика журнала «Литература для вас: страницы книжные и журнальные», ведомая Галиной Семькиной, откликнулась на самые яркие явления того времени. Одним из таких явлений стало учреждение Советского фонда культуры во главе с академиком Д.С. Лихачёвым, Р.М. Горбачёвой и бывшим Первым секретарём Пензенского обкома КПСС, преданным слугой российского просвещения Г.В. Мясниковым. Кстати, чувство благодарности Георгу Васильевичу Мясникову и по сей день сохраняют пензенские учителя и учёные, авторы «Народного образования», для которых деятельность этого последовательного «культурного строителя» была отдушиной на протяжении десятилетий. А о работе Фонда культуры с 1988 года «Народное образование» писало регулярно. Вот и в пятом номере за 1989 год опубликована статья Павла Стеллиферовского о журнале «Наше наследие» (проект Фонда культуры, действующий по сей день). Павел Антонинович Стеллиферовский — ещё один наш любимый автор. Он много лет был главным редактором издательства «Просвещение», участвовал в разработке школьных программ по литературе, в создании учебников и иных учебных изданий. Из его работ, посвящённых истории русской литературы, мы бы выделили книгу «Евгений Абрамович Баратынский» — учебное пособие для старшеклассников, выпущенное «Просвещением» в популярной серии «Биография писателя» (1988 год). На наш взгляд, это одна из лучших книг о Баратынском. И закономерно,

И.В. Бестужев-Лада

⁶ Михалков С.В. От и до... М., 1998. С. 43, 44.

что именно Стеллиферовский рассказал в «Народном образовании» о новом журнале российской культуры, не имевшем себе равных в Советском Союзе по качеству полиграфии.

90-й год стал одним из самых противоречивых в истории журнала. С одной стороны, продолжало сказываться благотворное влияние гласности на публицистов: статьи И. Бестужева-Лады и Н. Целищевой о съезде учителей и проведении школьной реформы были остры как никогда. С другой стороны, журнал был вынужден делать популистские шаги, которые сейчас представляются весьма сомнительными. Так, весь год в журнале шла публикация рекламных сочинений Джуну Давиташвили «Бесконтактный массаж», сопровождаемая бесконечным повествованием о Джуне писателя Льва Колодного, ставшего в тот период верным оруженосцем экстравагантной дамы. Лев Колодный — автор многочисленных популярных публикаций по сенсационной истории и истории культуры, последние годы стоящий на позициях «пещерного антикоммунизма» в духе генерала Шкуры и президента Рейгана. В 1990 году он неистово писал о «великой» Джуне, называя свои публикации «Феномен «Д». История одного открытия. О Джуне Давиташвили». Сейчас эта самая «Д» считает себя генералиссимусом и адмиралом (она носит соответствующую форму), волшебницей и чуть ли не царицей Савской.

Важную для педагогической науки и для нашей школы тему подняли Д. Николенко, А. Губко и П. Игнатенко в статье «Злоключения науки педологии» (№ 10). В 90-е годы к теме педологии будут обращаться многие авторы «Народного образования».

В том же 90-м году в журнале было немало интересных материалов по педагогике — статья Леонида Жуховицкого «Братство — тоже храм» о пошатывающейся уже дружбе народов Советского Союза, А. Белкина, Т. Бесковой, А. Букина, С. Богуславского...

Запрещённые прежде шедевры русской литературы приходили к нашему читателю. К 120-летию со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина «Народное образование» опубликовало отрывки из дневника писателя «Окаянные дни», по-новому открывшего для советского читателя трагизм Гражданской войны (№ 10). А в восьмом номере того 1990 года «Народное образование» отдало дань уважения и памяти Василию Васильевичу Розанову. В. Щербаков написал статью о «возвращённом мыслителе» — «Я емь, я — существую!», а рядом полная блестящая парадоксов статьи В.В. Розанова «Педагогические трафаретки. Беспочвенность русской школы».

Как и многие другие издания тех лет, «Народное образование» обратилось и к библейской теме. В течение 1990 года журнал публиковал «Библейские повествования».

1990 год — предзакатная пора Советского Союза. И для журнала, и для страны наступали новые времена. Но тогда, в ситуации девяностого года, сложно было предугадать, какие ценности будут укореняться в обществе в ближайшем будущем, а что будет разрушено «до основания». Очень скоро само слово «советский» стало в официально принятом стиле чуть ли не ругательным, а понятие «советская школа» употреблялось, по Булгакову, только «с последующим разоблачением». 70–80-е годы уходили в прошлое. А сейчас и впрямь стали прошлым веком...

